

Мастер-класс по каллиграфии: Храм на вершине горы

Ши Ньяо

Ньяо, как обычно, дожидался учеников в комнате для занятий в Храме Будды. Ящики с песком были закрыты крышками, на которых стояли тушечницы с разведенной тушью, лежали кисти, листы рисовой бумаги и все остальное, что требовалось ученикам для занятия, включая образцы стихотворения, которое им предстояло переписывать. Текст был написан в трех вариантах: ровным четким кайшу, в котором хорошо был виден каждый элемент, более быстрым синшу (полускорописью), при которой рука хоть и отрывалась, но элементы были не столь четкими, зато лучше чувствовался личный почерк мастера, и витиеватым цаошу (скорописью), при котором рука мастера не отрывалась от листа во время написания иероглифа. Все три образца Ньяо написал сам. Как и подобало для занятий каллиграфией, мастер использовал традиционное, а не упрощенное написание иероглифов.

- Добрый день, - сказал мастер собравшимся ученикам. - Сегодня вам предстоит переписать стихотворение Ли Бо "Храм на вершине горы". Выберите тот стиль, с которым вы готовы справиться. Новички

(0 - ученик)

- кайшу, более опытные из вас

(послушник - младший мастер)

могут попробовать повторить синшу, а самые опытные

(мастер и выше)

- цаошу. Я не ограничиваю вас во времени, но ваша задача как можно точнее переписать, даже, по сути, перерисовать, имеющиеся у вас образцы. Приступайте.

После основных элементов изучение каллиграфии во многом заключалось в копировании работ других мастеров, попытках воспроизвести их стиль. И в данном случае работы Ньяо хорошо подходили для обучения. У мастера была летящая и воздушная манера письма, его иероглифы будто хотели сорваться с бумаги и устремиться в к небу на журавлиных крыльях. В цаошу экспрессии было больше, чем разборчивости, но Ньяо казалось, что именно этот вариант наиболее красив с эстетической точки зрения.

*

*На горной вершине

Ночью в покинутом храме.

К мерцающим звездам

Могу прикоснуться рукой.

Боюсь разговаривать громко:

Земными словами

Я жителей неба
Не смею тревожить покой

Занятие завершится 20.04. Приглашаются все желающие. Игровое время - зима, 16 часов. На улице холодный ветер, но солнечно.

Ли Сяоцань

Писать красиво по-китайски Ли Сяоцань учился в Москве. У самого настоящего китайца. Возможно, даже немного сумасшедшего. Уроки о выворачивании кисти, о путанице между иероглифами, которые можно было исказить одной каплей чернил, он помнил очень хорошо.

Равно как и веселые истории про разных китайских ученых, которые любил рассказывать учитель Сюэли.

Впрочем, сейчас он решил, что, если ему и впрямь хочется нормально выучиться магии бумаги (как он для себя обозвал офуду), то надо для начала освежить умения в каллиграфии.

Стихотворение, которое дал переписывать мастер Ши Ньяо, он помнил хорошо. Правда, в его собственном переводе, который Ли когда-то делал, получилось не красивая лирика, возносящая к небесам, а что-то очень приземленное:

Уснул на горе
В пустом храме.
Крыши нет.
Можно коснуться звезд.
Если хватит наглости.
Но лучше молчать и спать.

Как настоящий новичок, Ли выбрал для работы стиль кайшу. В глубине души он был уверен, что вполне может написать иероглифы и цаошу, но рисковать не стал. Он тщательно растер тушь и принялся выводить тонкой кистью по рисовой бумаге ряды иероглифов.

Результат его вполне удовлетворил: ни единой лишней капли чернил, аккуратные строчки.

- Пожалуй, вышло очень даже неплохо, - пробормотал он себе под нос, убирая в сторону кисть.

Эстер Хоук

Эстер никогда раньше не занималась каллиграфией, но ей показалось интересным сходить на одно такое занятие и попробовать самой. Ей казалось это очень красивым - миловидная девушка в кимоно (или как называется то роскошное на ней платье) тоненькой белой ручкой, словно фарфоровой, берет еще более тонкую кисть, аккуратно окунает ее в чернила и, изящно придерживая рукав одной руки ладонью другой, чертит на бумаге завораживающие закорючки, которые называют иероглифами. И все это под музыку какого-то китайского инструмента. Словом, красота, а не каллиграфия. Вот бы и ей так.

Девочка поздоровалась с мастером и села за один из столиков, на котором уже были разложены кисти, чернила - или тушь - и бумага такая тонкая, что казалась даже прозрачной. Страшно даже притрагиваться к такой, не то чтобы на ней что-то писать.

Она взяла кисть и окунула ее в тушечницу, а затем занесла кисть над бумагой, чуть не посадив кляксу, пока пыталась вспомнить, как восточная красавица из того фильма держала кисть для каллиграфии. Потом решила начать так, а по ходу дела уже разобраться. Но поначалу иероглифы получались не очень красивым, и вообще отдаленно похожими на те, что изобразил мастер. Эстер даже казалось, что она вообще не то пишет, что надо, и, закончив первую строчку, она покачала головой. О, это выглядело просто ужасно - так неаккуратно и неровно, и иероглифы какие-то кривые и страшные. Так что она начала все по новой, чтобы сделать все намного лучше. Постепенно она разобралась, как удобнее всего будет держать кисть - почти вертикально и перпендикулярно бумаге, а какими должны быть движения - легкими и словно бы мимолетными - чтобы чернила не оставляли кляксы на бумаге. Вторая попытка получилась лучше первой, и Эстер приступила к второй строчке. Закончив ее, девочка отложила кисть и принялась придирчиво изучать нарисованное ею на бумаге. Конечно, очень далеко до этих прекрасных иероглифов мастера. Особенно до тех, что были в последнем варианте написания - там Эсти вообще ничего почти не могла разобрать, но выглядело очень красиво, у нее пришлось на ум сравнение с каплями дождя, бегущими по стеклу. Наверное, мастер очень долго тренировался, взглянула на сифу Ньяо Эсти и положила образец обратно перед собой, чтобы продолжить задание.

С непривычке начало сводить запястье и приходилось его постоянно разминать, чтобы рука не дрогнула. И вообще это оказалось довольно сложно - делать все очень тонко и аккуратно, но в конце концов Эсти все же дорисовала последний иероглиф. Но ей бы не хотелось никому свои художества показывать. Надо еще много заниматься, чтобы это было настолько красиво, чтобы она осталась довольной своими упражнениями.

Теперь Эсти знала, чем будет заниматься в долгие вечера, когда уже нет никаких общих тренировок, а до отхода ко сну еще долго, и нужно придумать чему посвятить вечер. Можно взять в библиотеке книгу и перерисовывать оттуда иероглифы, заодно подтянет китайский язык, который все еще был далек от хорошего. А потом сама сможет писать красиво, да и читать китайские легенды, записанные на старых свитках. Наверняка там полно интересного.

Розмари Лайонс

Розмари могла только кое-как, с натяжкой сказать, что она начала осваивать сложное искусство каллиграфии. За плечами у британки пока была только одна не слишком убедительная попытка нарисовать сто одинаковых хэн подряд — понятное дело, что никакой сотни тогда и близко не получилось, зато хоть что-то руки девушки тогда поняли не только про длинный шест, но и про нежную кисть для каллиграфии.

Но Розмари, откровенно говоря, предпочла бы ещё потренироваться на каких-нибудь более простых, отдельных элементах иероглифов. Сразу целое стихотворение — это для неё пока был перебор. Оставшийся перебором даже с учётом того, что отступать было некуда.

Взяв кисть для каллиграфии за середину, Розмари несколько раз махнула ею над листом бумаги просто так, без чернил и без иероглифов, вспоминая то состояние руки, которое она методом проб и ошибок вывела для себя на предыдущем мастер-классе. Мягкость, но не бесхребетность — эту фразу британка повторила для себя несколько раз как заклинание, настраиваясь на работу. И когда ей показалось, что

рука стала именно такой, мягкой, но не лишённой костей, Розмари окунула кисть в тушечницу и принялась выписывать на листе иероглифы, копируя их с первого образца. Того, который стилем кайшу. Который для новичков зелёных.

Иероглифы Розмари перерисовывала, копируя их на свой лист бумаги элемент за элементом, с несгибаемой дотошностью. Британка сейчас не загонялась по поводу того, насколько это получалось близко похоже на оригинал, — ей важно было для начала понять, что она может все эти иероглифы повторить своей рукой хоть в каком, лишь бы в узнаваемом виде. Получалось, кстати, вовсе и не так уж отвратительно непохоже, Розмари даже казалось, что это близко к правде, хоть элементы и откровенно приплясывали в разные стороны, и пытались расплываться.

Закончив рисовать последнюю строчку, Розмари сразу же начала всё по новой, повторяя стихотворение на бумаге от начала до конца ещё раз. Монотонная работа девушку не пугала, если получалось в этой монотонности не потерять летящую мягкость движений руки, без которой получалось не писать, а скорее чертить, да и сами иероглифы получались в чем-то неуловимо на иероглифы не похожи. Закончив писать стихотворение и во второй раз, Розмари невозмутимо, не отвлекаясь на окружающих и не проверяя, все ли уже разошлись или кто-то ещё тоже сидит и пишет, принялась копировать иероглифы в третий раз.

Дали бы ей волю, так девушка вообще сидела бы над бумагой до глубокой ночи. Розмари чувствовала, что чем дольше она сидит и раз за разом повторяет стихотворение, тем лучше у неё получается. К концу третьего раза те иероглифы, что попроще, как казалось девушке, уже и вовсе выглядели очень и очень похоже на образец, разве что лёгкая дрожь неуверенной в себе руки в них ещё читалась и тем самым выдавала с головой. Розмари усилием воли заставила себя отложить кисть, а не поехать переписывать стихотворение в четвёртый раз — а за ним в пятый, в шестой, и уж к сотому-то разу она наверняка добилась бы совершенства, если только рука раньше не отвалится, — закрыла тушечницу, а свою писанину и исполненный рукой мастера блестящий образец невозмутимо собрала, намереваясь унести с собой. Чтобы, например, сравнивать по вечерам и видеть, к чему тянуться и в каких именно местах.

Валентин Давенпорт

Каллиграфию Фельтин осваивал давно и упорно, но в глубине души считал, что мог бы делать это и еще упорнее. Тогда сейчас умел бы писать гораздо лучше и пытался бы на мастер-классе написать стихотворение более скользящим кайшу, а не тяжеловесно-подробным кайшу.

Пока что нововведение, позволявшее на мастер-классах делить учеников по способностям, Валентина скорее печалило, чем радовало - в основном потому, что такое разделение подчеркивало невысокие пока способности мальчика, определяя его в первую группу, к самым пока неопытным юзерам своих магических и немагических умений. Вот как с каллиграфией вышло: хоть это и было одно из лучших умений Валентина, все же мальчик пока в каллиграфии был недостаточно хорош для того, чтобы попытаться прибиться к старшим ученикам, и сел выписывать стихотворение, отчетливо налегая на каждый элемент и продолжая пока только мечтать о переходе на хотя бы полускорость.

Одним из больших человеческих достоинств Валентина было то, что, как бы жизнь

ни ухитрялась его взбесить, мальчик быстро успокаивался, возвращая себе душевное равновесие. Фиг бы у него хоть какая пропись вышла, если бы Фельтин сопел, злился и как попало дергал рукой. Мальчик же, быстро подавив своё разочарование в своих же способностях, терпеливо и размеренно выписывал элемент за элементом. Это было, по мнению Валентина, ещё не идеальное, но уже достаточно хорошее кайшу. Образец же идеального лежал прямо перед носом и дразнил своей недостижимостью. Закончив переписывать стихотворение, Валентин бегло огляделся по сторонам, сориентировался в основном на очень красивую светловолосую девушку рядом, которая писала так неспешно и с таким невозмутимым видом, словно в случае чего её весь мир ждал бы сколько потребуется, и, по примеру этой ученицы, неторопливо переписал стихотворение ещё раз, по-прежнему старательно напирая на каждый элемент. Со второго раза получилось лучше, чем с первого, было больше похоже на образец - но до неподражаемого идеала, как ни печально, все равно оставалось ещё тренироваться и тренироваться.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Каллиграфия позволяла привести в порядок мысли, успокоить разум и эмоции и настроиться на работу над собой. Это была практика осознанности, а не только искусство правильно и красиво писать иероглифы. Сонгцэн любил занятия по каллиграфии, хоть и, как ему казалось, не уделял им достаточно времени. Он решил посетить занятие с мастером Ньяо, который был одним из самых опытных каллиграфов монастыря, и надеялся, что в этот раз будет что-то поинтереснее ста одинаковых хэн на песке.

Задание было не самым сложным - можно было выбрать любой стиль, и Сонгцэн мог остановить свой выбор на простом и понятном кайшу. Он взял нужный образец и сел на колени перед столиком, настраиваясь на работу. Это стихотворение очень любила мама. Она вообще любила поэзию Ли Бо, что время от времени выдавало в ней человека, а не только воина клана, боевого, командира, старшего мастера и прочие должности, которыми она по праву гордилась.

Сонгцэн опустил кисть в тушь и заточил её кончик о край тушечницы, чтобы ворсинки сложились, формируя нечто наподобие острия копья. Он стал медленно и старательно выписывать иероглифы в их традиционном написании.

На горной вершине ночью в покинутом храме

Тушь ложилась ровными линиями, пропитывая рисовую бумагу. Рука была расслаблена в плече и локте, черты рисовались на выдохе. Откидная влево - иньское движение, откидная вправо - печать, которую ставишь всей своей волей, горизонтальная хэн ложится на ист бумаги со скоростью капли дождя, стекающей по стеклу.

К мерцающим звездам могу прикоснуться рукой.

Мысли растворялись в работе. Сонгцэну нравилось работать в стиле кайшу, а не повторять работы мастеров в более сложных стилях, потому что такая работа, казавшаяся механической, позволяла лучше осознать свои мысли, тело и дыхание.

И именно в этом он видел для себя пользу каллиграфии.

Боюсь разговаривать громко: земными словами

Сонгцэн вновь и вновь опускал кисть в тушечницу, чтобы линии были достаточно яркими, наполненными, без просветов в сочных черных чертах.

Я жителей неба не смею тревожить покой

Дописывая последнюю строку, Сонгцэн представил себе этот храм, чем-то напоминавший беседку на краю обрыва здесь, в монастыре. Он видел мерцавшие в небе звезды, он чувствовал, как близко были те самые жители неба, о которых писал древний поэт. Сонгцэн дописал последний иероглиф, состоявший из откидных влево и вправо - жэнь, человек. Он поставил точку и вытер кисть тряпкой.

Ши Ньяо

Сразу пятеро учеников сели переписывать стихотворение, и Ньяо наблюдал за их работой, стараясь следить не слишком пристально, чтобы не мешать концентрации. В каллиграфии ученики способны контролировать свои успехи самостоятельно. Если у них не возникало вопросов и они не просили советов, они сами знали, что и как делали.

Стихотворение было коротким, но при вдумчивом написании оно могло утомить учеников. В Линь Ян Шо мало кто был готов переписывать в нескольких вариантах длинные оды, Ньяо радовался уже тому, что на его редких уроках всегда были те, кто хотел овладеть искусством красивого письма.

Каллиграфия - это практика осознанности. Не так важен результат первых упражнений, он придет с опытом. Важно найти правильный настрой, почувствовать нужное состояние мыслей, ощутить правильное положение кисти и движение руки. Быть в моменте здесь и сейчас. Не смотреть по сторонам, не ждать конца занятия, не думать, каким будет навык через год, три, пять. Быть здесь, наедине с кистью и бумагой. И тогда все получится.

Когда занятие закончилось, мастер отпустил учеников и отправился к себе.

Мастер-класс завершен.
